

Цзян Цзи всегда считал себя единственным человеком на этой планете, кто умел читать Лу Синьяня, как открытую книгу. Стоило Лу Синьяню закатить глаза или едва повести бровью — Цзян Цзи сразу понимал: сейчас этот театрал опять что-нибудь отчебучит.

Но такого «отчебучит» он не ожидал даже со всем своим богатым послужным списком.

Он и правда на миг застыл: сладковатый привкус кофе всё ещё стелился по губам, а Лу Синьянь впился в него так отчаянно, что больше смахивал на пса, который вдруг решил проверить, вкусный ли у него хозяин.

Цзян Цзи оттолкнул его с такой силой, что тот бухнулся на диван — и теперь сидел, щеки пылают, будто он тут случайная жертва. И даже покраснел!

— Ты с ума сошёл? — Цзян Цзи сглотнул пару отборных слов, выровнял дыхание и цапнул пульт — одним нажатием превратил прозрачную стену в матовую.

Хорошо ещё, что эта зона была подальше от рабочих мест — не хватало ему потом попасть в мемы под заголовком «Генеральный директор и братец на диване».

Лу Синьянь даже не подумал каяться — поёрзал, сел ровнее и, всё ещё пунцовый, выдал:

— Я тебе доказать хотел.

— Что доказать? — Цзян Цзи смотрел на него так, будто перед ним сидел бешеный пес, который только что сгрыз поводок.

— Что я не гомофоб. — Лу Синьянь сказал это так серьёзно, что хоть памятник ему ставь. — Видишь? Могу тебя целовать.

Цзян Цзи: «...» Господи, какие грехи я совершил, что заслужил вот это?

Видимо, одного его взгляда хватало, чтобы до кого угодно дошло — Лу Синьянь даже съёжился в спинку дивана... Но гордость тут же пересилила: подбородок взлетел вверх, взгляд стал наглым.

— А что такого? Поцеловать нельзя, что ли?

Цзян Цзи глянул так, что воздух в комнате аж похолодел.

Но этот кретин не заткнулся:

— Это ты первый полез меня целовать!

Цзян Цзи: «?»

— В машине, в тот вечер! Ты что, забыл? Да, ты не успел, но намерение-то было! Так что если ты меня можешь — с чего это я не могу тебя? Где логика, а?

Цзян Цзи чуть не подавился воздухом.

Но Цзян Цзи всё-таки оставался Цзян Цзи. Он втянул воздух, медленно ослабил галстук и без лишних криков глухо бросил:

— Иди сюда.

— Зачем? — Лу Синьянь тут же втянул голову в плечи и глубже утонул в диване.

Цзян Цзи молча глянул на него так, что даже воздух в комнате стал колючим, как утренний морозный туман. Лу Синьянь дёрнулся, почувствовал, как что-то неприятно сжалось внутри, и — как под гипнозом — поднялся. Шаг. Второй. Ну куда деваться — всё равно пойдёшь.

Дистанция-то смех — два шага. Цзян Цзи стоял перед ним — чуть расстёгнутый воротник, строгий костюм, холодная аура.

Лу Синьянь успел ещё подумать: «Ну чего он тут распускает харизму? Кого собрался обольщать? Всё равно не прокатит...»

Но додумать не успел — Цзян Цзи резко перехватил его за шею.

Всё — поймали за шкуру. Пёс-щенок, угодивший в пасть волка. Лу Синьянь и рад бы дёрнуться, но вовремя вспомнил про своё великое «я — ранимый мальчик». Образ надо держать: немного испуган, немного жалок, весь такой «растерянный».

Он собрал остатки наглости и выдавил голосом, от которого у него самого внутри слиплось:

— Гэээээ...

Цзян Цзи дёрнул рукой, словно обжёгся.

В воздухе тут же повисло гробовое молчание.

Но Лу Синьянь вошёл во вкус — вытянул губки и выдал второй залп:

— Брааатик, ты меня так ненавидишь, да?

Смена темы была филигранной — он надломил голос, соорудил страдальческое лицо:

— Ты знаешь, почему я никогда тебя «братиком» не называл? Потому что думал — тебе это не надо. Ты сам меня не хочешь. Тебе не нужен я, не нужен этот брат.

Цзян Цзи без единого сантимента отрезал:

— Так и есть.

Лу Синьянь запнулся и чуть не выпал из роли. Сделал пару судорожных глотков воздуха и продолжил ещё более трагично:

— А я так хотел быть твоим братиком!... Ты даже представить не можешь.

Цзян Цзи кинул на него взгляд из разряда «давай-давай, развлекай меня ещё».

Лу Синьянь вдохновился:

— Всё время бегал за тобой, чтобы догнать хоть раз. Но каждый раз, когда я почти тебя

догонял — ты тут же ускользал.

С этим душераздирающим выражением он вдруг вцепился в руку Цзян Цзи. Ладонь подрагивала, голос срывался:

— Мне уже двадцать два, братик... Я одинок четырнадцать лет!

Одинокий мальчик собрался прижаться к нему ещё крепче и выдавить пару жалобных слёз — для полного эффекта:

— С того дня, как мама ушла, в мою душу больше никто не заглядывал. Папа хороший, тётя — тоже ничего, но я уже не тот мальчик, который умел вписываться в чужую семью. У меня в сердце есть тень, куда не заглядывает солнце... Боже, как же мне одиноко, поговорить даже не с кем...

Цзян Цзи подумал что эти фразы звучали подозрительно знакомо. Он напряг память — не вспомнил. Наверняка стащил из какой-то третьесортной драмы.

Лу Синьянь не сбавлял обороты, голос дрожал ещё выразительнее:

— Я думал — вот вырасту, заведу семью, жену, детей, всё как у людей... Но кто ж знал, что я... я девушек-то и не люблю!

На этих словах Цзян Цзи не выдержал — тихо хмыкнул.

Но Лу Синьянь был в образе до кончиков ушей — резко опустил голову и уткнулся лбом ему в плечо:

— На самом деле я тогда тебя обманул, Гэ... Я давно знал, что мне нравятся мужчины. Просто боялся сказать вслух. А потом узнал, что ты такой же... Я и удивился, и обрадовался.

— Обрадовался чему? — Цзян Цзи поднял бровь.

— Что ты, наконец, сможешь меня понять! — Лу Синьянь выдал так, будто эта фраза закрывала гештальт.

«...»

Он завернул этот крюк с мастерством циркового акробата и снова приземлился на свою любимую тему:

— Ты помнишь, как мы впервые встретились? Я сам пришёл к тебе — тогда у меня не было никого, кроме тебя. Я думал — ты меня поймёшь. Ладно, может, ты и не очень понял... но хотя бы... хотя бы ты всегда был для меня компасом. Я за эти годы сколько раз терялся — а ты был впереди. Я шёл за тобой — и никогда не сворачивал не туда...

Лу Синьянь сам едва не расчувствовался от своей трагической тирады. Внутри он жаждал хоть какой-то реакции от Цзян Цзи, но лбом всё ещё упирался ему в плечо — голову поднять не посмел.

Ну и раз уж так близко, не удержался — ткнулся носом в кожу Цзян Цзи. Чуть-чуть, будто случайно, но внутри аж заискрило.

Ответ прилетел мгновенно: знакомый холодок — Цзян Цзи снова перехватил его за шею и

поднял, как котёнка за шкурку. Ледяные глаза:

— Реплики откуда содрал?

— Сам придумал! — Лу Синьянь чуть не спалился на полуслове. — Ну... чистая правда! Чистые чувства!

«...»

Цзян Цзи вдруг усмехнулся — на этот раз без злости. В глазах что-то промелькнуло: то ли снисхождение, то ли усталость. Он аккуратно опустил Лу Синьяня обратно на диван, сел рядом и молча начал поправлять галстук.

Закончив, он достал телефон и ушёл в мессенджер. Кому-то что-то отправил — Лу Синьянь косился-косился, но так и не выловил ни слова.

Ну и где реакция? Где овации?

— Гэ... — Лу Синьянь выдохнул привычным шёпотом. — Ты всё ещё сердишься?

Лучше бы молчал. Цзян Цзи будто только сейчас вспомнил, что повод для злости у него ещё не исчерпан. Медленно повернулся и уставился так, что Лу Синьяню стало не по себе.

Оба сидели вплотную — всего полкорпуса между ними. Цзян Цзи смотрел так, будто насквозь видел все его дешёвые трюки. Лу Синьянь не выдержал — вытянул спину, как на экзамене.

А Цзян Цзи лишь сжал губы — без слов, без комментариев.

Тот первый поцелуй был сплошным хаосом — вспышка и сразу провал в темноту. Он даже вкус толком не успел уловить.

Но теперь всё догоняло с опозданием. Задним числом до него доходило: Цзян Цзи — не такая уж ледяная глыба. Стоило к нему липнуть — и под этой бронёй оказалось вполне себе тёплое, мягкое... Что-то. На миг в том поцелуе он даже успел заметить, как в глазах Цзян Цзи мелькнуло настоящее замешательство — значит, и у этого бастиона бывают трещины.

И губы — не железные. Мягкие, чуть приоткрылись. Он успел коснуться языка — быстро, почти случайно. Но этого хватило, чтобы внутри кольнуло.

Лу Синьянь мысленно облизнулся. Под этой твёрдой бронёй — вполне съедобная устрица. Вот и весь миф.

Эта мысль так его завела, что все тормоза сгорели — сам не понял, как снова подался ближе. То ли хотел повторить, то ли проверить, не приснилось ли всё это.

Цзян Цзи по-прежнему смотрел на него, будто сквозь рентген. Лу Синьянь, как липкий кот, ткнулся плечом поближе:

— Гэ, ну скажи что-нибудь.

— Что ты хочешь услышать? — голос у Цзян Цзи был ровный, но назад он не отступил. Просто позволил Лу Синьяню вцепиться «лапками» в плечи.

У Лу Синьяня сердце колотилось, как бешеное. Половина мозга орала: «Ты гений!», другая уже

раскладывала, как этим гением теперь пользоваться. Ну вот — разве это так сложно? Сломать Цзян Цзи? Пара пустяков.

С этим азартом он и совсем обнаглел:

— Я перед тобой всю душу вывернул... Ну хоть что-то скажи!

— Скажу. — Цзян Цзи моргнул лениво. — Я вот думаю: как твои красивые бредни связаны с тем, что ты вдруг решил меня лапать?

Он одним щелчком сбросил его «лапки» со своих плеч:

— Ты очень хочешь быть моим братом? Значит, по-твоему, братские отношения — это такие, где можно спокойно целоваться? — Он сузил глаза.

Лу Синьянь открыл рот — и завис. Потом жалко выдавил:

— Ну... обычные братья — нет, но мы ведь не родные...

— Это главное, да? — в голосе Цзян Цзи застыло ровное, опасное спокойствие.

Он сразу понял: Цзян Цзи не идиот — ему нужны не эти детские отмазки, а правда. Настоящая причина, зачем младший братец лезет целоваться и лезет под кожу.

Вот он шанс — скажи ТО САМОЕ, запусти весь свой «гениальный» план.

Но стоило встретиться взглядом с этим ледяным сканером — рот пересох. Легко быть «героем-обольстителем» в мыслях, а вот когда в лицо светят прожектора Цзян Цзи — совсем другое дело.

Быть сволочью — работа нервная.

Лу Синьянь шевельнул губами, опустил голову и выдавил писк комара:

— Я тебя люблю.

— Что? — Цзян Цзи чуть склонил голову, в голосе ровно та скука, которая сушит горло мгновенно.

Лу Синьянь захотел провалиться сквозь диван. Сжал кулаки:

— Я сказал... я тебя люблю.

— Говори громче.

Лу Синьянь вскипел. Ну раз уж позориться — так по-крупному:

— Я СКАЗАЛ — Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ! ПОЭТОМУ И ЛАПАЮ! ВСЁ, СЛЫШИШЬ? ЛЮБЛЮ, ЛЮБЛЮ, ЛЮБЛЮ!

Цзян Цзи выдержал секундную паузу, потом лениво обронил:

— Ещё громче крикни — пусть весь офис послушает.

Тяжело. Быть настоящим мерзавцем — это, оказывается, высокоточная инженерия. Не каждый

осилит.

Внутри всё скрутило от неловкости, но слово не воробей. Ну и чего теперь стесняться? Он ухватился за жалкие остатки своего «геройского» куража:

— Короче! С этого дня я буду тебя добиваться. Цзян Цзи, приготовься — я иду!

В голове у Цзян Цзи что-то звякнуло, он уставился на этого самопровозглашённого «ухажёра» так, будто перед ним открылся портал в доисторический ад с древним демоном на цепи.

А демон, в лице Лу Синъяня, выдержал встречный взгляд пару секунд, потом нахлобучил обратно свои солнечные очки и поднялся с видом «я — бедствие».

— На сегодня всё. Я пошёл. Жди меня дома.

Он сделал пару хищных шагов — и тут же едва не впечатался в стеклянную дверь. Рывок влево, рывок вправо — и этот «роковой соблазнитель» сбежал с траектории, смешно застучав туфлями по полу.

<http://bllate.org/book/12484/1111991>